Е. Д. БРАУН

Браун Елена Давыдовна
кандидат исторических наук
доцент, кафедра всеобщей истории,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел: +7 (495) 250-64-56
доцент, кафедра всеобщей истории, ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел: +7 (499) 956-96-47
E-mail: braun-helen@yandex.ru

Джентри и античное наследие. Казус Уильяма Уорчестера

Аннотация. Общеизвестно, что джентри, во-первых, ценили прежде всего практические знания и, во-вторых, крайне редко интересовались историей и культурой античности. В данной статье предпринята попытка выяснить, как джентри XV в. относились к тем немногочисленным представителям своей социальной группы, которые позволяли себе читать сочинения греческих и римских философов, покупать книги и заниматься другими столь же непрактичными вещами. Основным источником является семейный архив Пастонов; «главным героем» исследования — Уильям Уорчестер — джентри, антикварий, библиофил, автор «Itinerarium», «Annales Rerum Anglicarum» и других сочинений.

Пример Уильяма Уорчестера показывает: для джентри XV в. чтение античных авторов и французских книг могло быть вполне достойным увлечением. Однако единой меры заинтересованности не существовало. Границы дозволенного менялись в зависимости от финансовой состоятельности «антиковеда» и его социального статуса. Любимец магната только выигрывал, если его считали утонченным интеллигентом, ценящим книги превыше земных благ; лишенный такой поддержки дворянин должен был демонстрировать в первую очередь деловые качества.

Ключевые слова: Уильям Уорчестер, Пастоны, джентри, эпоха Войн Роз

В данной статье речь пойдет не об античном наследии как таковом, а об одном из аспектов его восприятия. Автор попытается соотнести два пласта культуры Англии XV столетия — совокупность текстов, идей и образов, которую принято называть античным наследием, и совокупность понятий, представлений, ценностных ориентиров, характерных для субкультуры

© Е. Д. БРАУН
DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-23-37

джентри. В качестве основного источника использованы документы из семейного архива Пастонов. Архив Пастонов, пожалуй, самый крупный комплекс текстов XV в., он насчитывает более 1500 документов. Члены этой дворянской семьи сохранили адресованные им письма, черновики собственных посланий, королевские ордонансы, воззвания магнатов, хозяйственную документацию и т. п. Основу коллекции Пастонов (более 90%) составили письма, дающие редкую возможность реконструировать диалог людей XV столетия.

Поскольку весь дальнейший анализ построен на работе с письмами, имеет смысл сказать несколько слов о специфике эпистолярных источников XV в. Эти документы мало похожи на современные послания. Прежде всего, джентри писали только по делу, а именно для того, чтобы сообщить своим корреспондентам совершенно необходимую информацию. Также необходимо подчеркнуть, что письма XV в. ни в коей мере не были личными, приватными посланиями. Их очень часто диктовали секретарю и всегда читали в присутствии других членов семьи и слуг. Было также принято пересказывать содержание писем дальним родственникам и даже соседям. Упомянутая традиция была настолько сильна, что факты, не подлежащие оглашению, никогда не записывали, их сообщали устно через подателя письма [Браун 2016: 18–23]. Таким образом, в письмах джентри фиксировали только те факты, поступки, изъявления чувств, которые считали необходимым обнародовать. Письменное упоминание о чем-то было равнозначно публичному заявлению.

Несмотря на то что собрание Пастонов было введено в научный оборот более двух столетий назад, никто не пытался привлечь его для реконструкции «античного» пласта мировосприятия джентри. Между тем материал переписки позволяет предпринять такую реконструкцию.

Среди корреспондентов этой семьи был знаменитый Уильям Уорчестер — человек, которого смело можно отнести к английскому Предвозрождению. Стоит отметить, что указанный корпус источников позволяет исследовать взгляды Уорчестера и его место в социальной иерархии джентри Норфолка с достаточной полнотой. Наиболее авторитетное на данный момент издание переписки Пастонов 2004 г. [Paston letters 2004] содержит 22 письма, написанных Уильямом Уорчестером (это письма 496, 498, 506, 529, 535, 537, 540, 558, 559, 566, 571, 572, 576, 604, 727, 770, 883, 884, 888, 899, 912, 913), и более полутора десятков документов, в которых Уорчестер упоминается.

Уильям Уорчестер (1415 — до 1485) был личностью действительно необычной. По своему происхождению он принадлежал к небогатым джентри (его семья владела двумя небольшими манорами на юго-востоке Англии). Уорчестер получил вполне типичное и исключительно популярное в его среде юридическое образование. Еще в Оксфорде талантливый студент был замечен знаменитым Джоном Фастольфом и в течение 27 лет (с 1432 по 1459 г.) успешно исполнял обязанности личного секретаря и помощника магната. Круг обязанностей Уорчестера был довольно широким — он не раз ездил в Лондон по делам господина, контролировал ход его тяжб, сообщал Фастольфу наиболее важные новости, передавал его поручения родственникам и свитским, проверял счета, осуществлял общий надзор за доходностью имений своего лорда, а также понемногу приводил в порядок его архив [McFarlane 1957: 197–201].

После смерти патрона Уильям Уорчестер не нашел общего языка с его наследниками, Пастонами, и стал одним из инициаторов долгого судебного процесса, в ходе которого завещание в пользу Пастонов пытались объявить подложным. К концу 1460-х годов конфликт был исчерпан, но из круга корреспондентов Пастонов Уорчестер не исчезает. Он несколько раз выполнял поручения главы семейства, однако бóльшая часть писем этого периода связана с попытками Уорчестера убедить прижимистых нуворишей выполнить волю покойного Джона Фастольфа и основать хотя бы крошечный колледж. С младшим представителем рода Пастонов, Джоном (в историографии его принято обозначать как Джона Пастона III), Уорчестер даже подружился и завещал ему часть своих книг [Richmond 2002: 63–107].

Принято считать, что в среде джентри Уорчестер был настоящей белой вороной. Исследователи подчеркивали, что еще в университете секретарь Фастольфа был гораздо начитаннее и образованнее своих однокашников, он интересовался не столько юридическими тонкостями, сколько различными «древностями». Уорчестер много путешествовал и всегда возил с собой сложенные листы бумаги, на которые заносил свои путевые заметки. Впоследствии эти листы были переплетены в три длинных узких тома [Gransden 1996: 332–338]. Первый из трех томов при издании был условно назван «Itinerarium», что в дословном переводе означает «Описание путешествия». «Itinerarium» публиковали в оригинале (т. е. на характерной для сочинений Уорчестера смеси не самой лучшей латыни и английского) в 1738 и 1834 гг.; издание 1969 г. было дополнено переводом на современный английский язык [Harvey 1969]. В 2000 г. были изданы не вошедшие в публикацию 1969 г. материалы по истории и топографии Бристоля [Neale 2000].

Стоит отметить, что «Itinerarium» — это отрывочные путевые заметки, в которых описания церквей и городов перемешаны с цитатами из сочинений античных авторов, астрологическими записями, сведениями по зоологии, ботанике и другой, в сущности посторонней информацией. Второй том сочинений Уорчестера объединил записи стихов, афоризмов и цитат, третий том составили медицинские заметки [Wakelin 2007: 93–94]. Из-под пера Уильяма Уорчестера вышло еще несколько сочинений, охватывающих период с 1430 по 1468 г., — это не сохранившиеся до наших дней перечень родословных дворян Норфолка («De Agri Norfolcensis Familiis Antiquis»), «Antiquitates Anglie», а также «Annales Rerum Anglicarum» [Gransden 1996: 332–333; Gairdner 1904: 193].

Отношение к Уильяму Уорчестеру подавляющего большинства историков вполне можно назвать восторженным. Колин Ричмонд видит в Уорчестере настоящего подвижника, потратившего бездну времени и сил на безуспешные попытки организовать оговоренный в завещании Фастольфа колледж [Richmond 2002: 53–107]. Д. Рандел не без юмора пишет, что «Уорчестер известен всем как многострадальный секретарь сэра Джона Фастольфа»; вынужденный терпеть дурной характер своего господина, он «отомстил исследователям, оставив в их распоряжении паукообразные, корявые каракули» [Rundle 2015]. Из этого «слаженного хора» выбиваются очень немногие; одним из исключений является статья Джонатана Роуза, посвященная перипетиям борьбы за наследство Джона Фастольфа [Rose 2012]. Вероятно, в силу узкой направленности исследования созданный Дж. Роузом портрет Уорчестера вышел удиви-

тельно однобоким — гуманистическая составляющая жизни секретаря Джона Фастольфа практически игнорируется, он оказывается всего лишь рядовым участником затянувшейся земельной тяжбы.

Еще раз подчеркнем — все исследователи, углублявшиеся в изучение биографии или документального наследия Уильяма Уорчестера, неизменно акцентировали внимание на его рафинированности и описывали секретаря сэра Фастольфа как крайне нетипичного представителя провинциального дворянства [Gairdner 1904: 151–153; McFarlane 1957: 196–221; Gransden 1996: 332–441; Neale 2000: vii–x; Wakelin 2007: 93–98].

Автор данной статьи ставит перед собой задачу выяснить, действительно ли Уорчестер так сильно отличался от других дворян Норфолка. Его интерес к античному наследию, истории и культуре Англии, вне всякого сомнения, был чужд большинству джентри, но как они воспринимали эту чуждость? И вел ли себя Уорчестер как джентри во всех остальных случаях (т. е. тогда, когда дело не касалось его изысканных увлечений)? Иными словами, могли ли джентри позволить себе роскошь предаваться столь непрактичным занятиям, как изучение латыни, чтение античных текстов, составление описаний британских «древностей» и т. п., или расплатой за это мог стать разрыв с породившей их социальной группой?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего следует хотя бы бегло обозначить ценностные ориентиры джентри XV в. Этот материал уже был проанализирован нами ранее [Браун 2016: 35–84], поэтому в данном случае вполне возможно ограничиться тезисным изложением выводов.

Для начала стоит подчеркнуть, что «мир джентри» был очень небольшим — по сути, их жизнь ограничивалась рамками родного графства, которое они называли «своей страной» (our country) и покидали лишь в самых крайних случаях. События, происходившие в рамках графства, для джентри были несравненно важнее общенациональных; в свою очередь, то, что происходило в их собственных владениях, было куда более значимым, чем то, что творилось в остальной «стране». В переписке Пастонов местные новости почти всегда излагаются после информации о том, что произошло в их манорах. Кстати, к своим землям джентри относились с исключительным пиететом, воспринимая их как нечто основополагающее, как то, без чего жизнь попросту лишена смысла.

Самым главным для джентри было «жить достойно» (на наш взгляд, именно это словосочетание наиболее точно передает смысл, который джентри вкладывали в понятие *worship*). Итак, для провинциального дворянства в эпоху Войн Роз «жить достойно» значило всегда блюсти интересы семьи; неустанно заботиться о сохранении и приращении собственных земельных владений; быть бережливыми, если не сказать прижимистыми; проявлять безупречную точность в денежных делах; жить с оглядкой на общественное мнение; всегда проявлять подчеркнутое уважение к власть имущим или просто к «нужным людям»; называть друзьями только тех, кто мог быть им полезен. Ценилось и образование, но лишь то, что могло пригодиться в дальнейшей жизни, а именно полученное на юридических факультетах Оксфорда и Кембриджа [Браун 2016: 69–82]. Таким образом, ценностную шкалу джентри смело можно назвать утилитарной.

Попытаемся проанализировать, как эта система приоритетов соотносилась с тем, что мы знаем об Уильяме Уорчестере. На первый взгляд, ответ очевиден: Уорчестер удивительно мало походил на своих соседей и корреспондентов. Недаром его патрон сэр Фастольф как-то заметил, что Уорчестеру «следовало бы стать священником, тогда его речи были бы более уместны» [Paston letters 2004: 101–102]. Возможно, более детальный анализ изменит эту устоявшуюся, общепринятую точку зрения.

Для начала попытаемся сравнить систему ценностей джентри с тем образом, который создал сам Уильям Уорчестер (его условно можно назвать автопортретом). Обобщенные результаты представлены в *Табл. 1*.

Таблица 1

Ценности джентри	Ценности, которые афишировал Уильям Уорчестер
Эмоциональная значимость собственных земельных владений.	Ироничное отношение к своим землям.
Неустанная забота о сохранении и приращении собственных земельных владений.	Уорчестер писал, что несравненно большую радость получает от книг.
Локальность сознания, очевидный приоритет интересов собственного мирка и нежелание покидать его пределы.	Уорчестер путешествовал для развлечения, составил «Itinerarium».
Бережливость, а может быть, и прижимистость.	Уорчестер тратил деньги на изучение латыни и французского, на книги.
Безупречная точность в денежных делах.	Уорчестер подчеркивал, что между ним и сэром Фастольфом существовали доверительные отношения, не требовавшие строгой отчетности.
Практически ориентированное образование.	Интерес к античности и французской поэзии.
Ярко выраженное стремление к общественному одобрению, к тому, чтобы «быть как все».	Уорчестер подчеркивал свою необычность и отшучивался в ответ на неудобные вопросы.
Подчеркнутая церемонность, льстивость в общении.	Уорчестер просил и даже требовал от своих корреспондентов не завышать его социальный статус.
Утилитарное понимание дружбы.	Традиционное понимание дружбы.

Очертив общую картину, попытаемся вглядеться в детали. Для джентри собственные земли были почти сакральной ценностью (т. е. вне зависимости от реальных достоинств свои маноры выводились из зоны критики, их количество и качество никогда публично не обсуждалось). Уорчестер же писал, что доходов от двух его крошечных поместий «едва хватало на приличную шляпу» [Paston letters 2004: 101]. Безусловно, в данном случае мы имеем дело с самоиронией. И все же в переписке Пастонов такие высказывания выглядят чужеродными. Важно подчеркнуть: только Уорчестер рисковал критиковать свои земли. Пастоны и их корреспонденты могли написать и не раз писали о том, что денег им не хватает, но (пусть даже в шутку) объединить в одном предложении бесконечно ценимые ими поместья и шляпу было немыслимо.

Неустанное стремление джентри к приращению своих земель вроде бы также служило Уорчестеру поводом для шуток. Однажды он заметил, что «будет так же рад и счастлив получить хорошую французскую книгу, как лорд Фастольф обрадуется покупке доброго манора» [Ibid.: 174–175]. Опять же здесь важен сам факт иронии над тем, что джентри ценили превыше всего. Для типичного представителя указанной социальной группы земли и книги — вещи в принципе несопоставимые. Земля — это основа жизни, главная ценность, за которую надо бороться всеми доступными средствами, ну а французские книги — откровенное излишество. Во всяком случае, Пастоны и другие джентри Норфолка покупали книги крайне редко, а если уж позволяли себе такую роскошь, то приобретали не стихи или роман, а Библию или молитвенник [Bennet 1932: 123–125]. Тот, кто утверждает, что радуется французской книге так же, как достойный человек — новому поместью, откровенно эпатирует окружающих.

Неудивительно, что траты Уорчестера его корреспонденты рассматривали как крайне неразумные. В частности, на сороковом году жизни Уорчестер стал учеником ломбардца Карла (или Карло) Жиля (Carol Giles), который наставлял его в правилах стихосложения и во французском языке; у него же Уорчестер купил несколько книг (которые в тем времена стоили немалых денег) [Ibid.: 174–175]. Путешествовал Уорчестер тоже нередко за свой счет [Neale 2000: vii–x], что для джентри было уже откровенно немыслимым.

Непонятным для джентри было и то, что после смерти сэра Фастольфа его секретарь не смог представить удовлетворительный отчет о довольно внушительной сумме, которую господин дал ему буквально накануне кончины. Сам Уорчестер настаивал, что деньги были потрачены на необходимые покупки в столице, а приобретенные товары прибудут позже, но Пастоны сочли всю историю крайне подозрительной [The Paston letters 1956 (1): 144].

Джентри неизменно стремились «быть как все»; Уорчестер любил подчеркивать свою необычность. Нетипичной, даже несколько чуждой для джентри была прежде всего та легкость, с которой Уильям Уорчестер брался за перо. Для большинства представителей провинциального дворянства письмо все еще оставалось трудным и в высшей степени серьезным искусством; Уорчестер же мог написать несколько слов просто для удовольствия или ради шутки. Напомним, что в архиве Пастонов более полутора тысяч документов, но шутки можно обнаружить только в письмах Уильяма Уорчестера. Наиболее красноречивым примером может послужить письмо, в котором Уорчестер со-

общает, что его господин сэр Фастольф не далее как вчера был в исключительно дурном расположении духа и фактически накричал на него. Заканчивает этот рассказ фраза: «Простите меня, я писал лишь для того, чтобы вас рассмешить. Даст Бог, мой лорд сменит гнев на милость и по отношению к другим, и по отношению ко мне» [Paston Letters 2004: 101–102]. Рискнем предположить, что, несмотря на явную несерьезность самого рассказа о ворчливости Джона Фастольфа, корреспондентам Уорчестера все же требовалось дополнительное подтверждение того, что они имеют дело именно с шуткой, а не с жалобой провинившегося свитского (что в глазах джентри было бы откровенно дурным тоном).

Необычность Уорчестера проявлялась не только в легкости пера и в уже упоминавшихся шутках на запретные для джентри темы, нетипичным было и как бы случайное употребление французских и латинских фраз, и то, что Уорчестер категорически не желал слышать в свой адрес лесть. Последний тезис заслуживает более подробного рассмотрения. Знакомство Пастонов и Уильяма Уорчестера состоялось при весьма любопытных обстоятельствах. В 1454 г. разменявший восьмой десяток и, что самое главное, бездетный Джон Фастольф решил окончательно перебраться в свои английские владения. Предприимчивые родственники магната Пастоны поспешили завязать с ним и его приближенными как можно более тесные отношения. В частности, глава семьи Джон Пастон I отправил пользовавшему полным доверием Фастольфа Уорчестеру льстивое послание, в котором именовал его «мой господин». В ответном письме Уорчестер шутливо заметил, что все его земли приносят лишь несколько шиллингов в год, и потребовал «забыть» о том, чтобы называть его «господином» [Ibid.: 101–102].

Наконец, в отличие от большинства джентри, Уорчестер вроде бы понимал дружбу вполне традиционно. Например, именуя Джона Пастона I своим другом, он писал в том числе об эмоциональной привязанности. Если верить Уорчестеру, он относился к Джону Пастону «с тем же почтением, с каким относился бы к родному отцу, если бы тот был жив» [The Paston letters 1956 (1): 144–145]. Однако для джентри подобные уверения были абсолютно не характерны, более того, они мало что значили. Для Пастонов и их корреспондентов «дружба» была формой делового сотрудничества (причем не индивидов, а семей) и не имела никакого отношения к сантиментам. Джентри называли своими «друзьями» тех, кто всегда был готов прийти им на помощь «конно, людно и оружно», знакомил с нужными людьми, давал денег взаймы, отстаивал их интересы в суде и т. д. Чаще всего этот термин маркировал членов неофициального союза, нацеленного на отстаивание общих земельных интересов (в каждом графстве было несколько таких объединений, очень напоминавших мафиозные кланы). Иными словами, дружба была формой социальной организации сообществ джентри. В случае, если речь шла о менее значимых формах поддержки (например, о сообщении важных новостей или публичных высказываниях в защиту кого-то), использовался термин «доброжелатель» (*well-willer*) [Браун 2016: 55–68]. Очевидно, что в этой системе координат изъявления дружеских чувств попросту не котировались.

Итак, «автопортрет» Уильяма Уорчестера полностью совпадает со знакомым нам по историографии образом прекраснодушного интеллигента, мало

в чем похожего на других джентри. По всей видимости, исследователи отнеслись к саморепрезентации секретаря сэра Фастольфа с полным доверием. Однако если взглянуть не на то, что Уорчестер писал и говорил, а на то, что он делал, такое доверие может оказаться не до конца обоснованным. Результаты сопоставления «слов» и «дел» Уорчестера представлены в *Табл. 2*.

Таблица 2

Ценности, которые афишировал Уильям Уорчестер	Ценностные ориентиры, которые демонстрировал Уильям Уорчестер
Ироничное отношение к собственным землям.	Включился в борьбу за наследство лорда Фастольфа (хотя господин ему ничего не завещал) и получил свою долю.
Уорчестер писал, что несравненно большую радость получает от книг.	В борьбе за земли использовал стандартный набор аморальных методов.
Уорчестер тратил деньги на изучение латыни и французского, на книги.	Но, если речь не шла о его хобби, был так же прижимист, как любой другой джентри.
Уорчестер подчеркивал, что между ним и лордом Фастольфом существовали доверительные отношения, не требовавшие строгой отчетности.	По-видимому, приворовывал на службе у сэра Фастольфа.
Интерес к античности, французской поэзии и всяческим «древностям».	Но все это «добавлялось» к почитаемым джентри навыкам юриста.
Уорчестер подчеркивал свою необычность и отшучивался в ответ на неудобные вопросы.	А собеседники оставляли его в покое, так как дела Уорчестера неизменно шли хорошо.
Уорчестер просил корреспондентов не завышать его социальный статус.	По отношению к другим столь же церемонен, как и его корреспонденты.
Традиционное понимание дружбы.	Просил «друзей» о материальной поддержке в обмен на уже оказанную им помощь.

Проанализируем каждый из пунктов внимательнее. При ближайшем рассмотрении оказывается, что отношение Уильяма Уорчестера к собственным землям не было ни ироничным, ни легкомысленным. Он мог шутливо сетовать на незначительность своих владений, но когда после смерти сэра Фастольфа (1459) выяснилось, что «добрый лорд» не оставил Уорчестеру ничего, кроме должности душеприказчика, интеллигент и библиофил перешел к самым решительным действиям.

Поначалу Уорчестер, видимо, рассчитывал на ощутимую материальную благодарность наследников Фастольфа — Пастонов. Такая благодарность была бы вполне логичной платой за услуги Уорчестера, ведь именно благодаря его протекции Пастонам удалось заслужить благосклонность Джона Фастольфа. Во всяком случае, так ситуация выглядела с точки зрения Уорчестера. Он писал: «…Если бы я хлопотал о противном, клянусь душой — а это самая великая клятва, какую я могу дать — они [Пастоны] никогда не заняли бы того положения рядом с моим господином, какое они занимают сейчас» [The Paston letters 1956 (1): 144]. Вполне возможно, Пастоны придерживались совсем иного мнения по этому поводу.

Однако существовала еще одна, на этот раз несомненная причина, по которой Уорчестер мог надеяться на свою долю «пирога», — именно с его помощью Пастоны захватили бóльшую часть движимого имущества сэра Фастольфа. В отсутствие прямых наследников громадные владения Джона Фастольфа должны были стать (и действительно стали) настоящим яблоком раздора. Пока тяжбы и судебные разбирательства еще не начались, Уильям Уорчестер посоветовал Пастонам приехать в главную резиденцию своего покойного господина — замок Кайстер — и вывезти оттуда все сколько-нибудь ценное [Ibid.: 145] (напомним, что Уорчестер пользовался полным доверием Джона Фастольфа и прекрасно знал, «где что лежит»). Всего через неделю после смерти Фастольфа, опять же с помощью мистера Уорчестера, аналогичная операция была проведена в отношении лондонского имущества магната — все вещи были собраны, вывезены и спрятаны [Gairdner 1904: 198–199].

Любопытно, что в других подобных ситуациях Уорчестер действовал сходным, не вполне моральным и не до конца законным образом. Например, в 1461 г. некий Кристофер Хадсон умер, не оставив завещания. В результате из движимости покойного родственники не получили ровным счетом ничего. Бумаги, касающиеся держателей Пастонов, Уорчестер отдал их поверенному, а остальными вещами «распорядился так, как ему показалось наиболее удобным» [The Paston letters 1956 (1): 220].

Вернемся к наследству сэра Фастольфа. Несмотря на все заслуги Уильяма Уорчестера, Пастоны не спешили с ним делиться. Тогда Уорчестер заявил, что незадолго до смерти Джон Фастольф якобы прилюдно заявил о намерении подарить своему секретарю несколько маноров и даже предложил Уорчестеру выбрать их по своему вкусу. Свидетелем обещания сэра Фастольфа оказался духовник покойного — сэр Томас Хоус — по «случайному» стечению обстоятельств он был родным дядей супруги Уорчестера [Gairdner 1904: 198].

Пастоны снова не восприняли притязания Уорчестера всерьез, и тогда он присоединился к тем, кто вовсе хотел лишить эту семью наследства. Двое из десяти душеприказчиков Фастольфа — судья Йелвертон и Уильям Дженни — отказались подтвердить права Джона Пастона на наследство. Они поклялись, что завещание в пользу Пастонов, составленное буквально накануне смерти Джона Фастольфа, — не что иное как подделка, а настоящая посмертная воля магната выражена в гораздо более раннем документе, где о Пастонах нет ни слова [Gairdner 1904: 199–203]. Начавшийся судебный процесс растянулся на много лет, и все это время Уорчестер пытался «договориться» с Пастонами на прежних условиях. В частности, он прямо

заявлял, что готов изменить показания, если Пастоны уступят ему несколько маноров в Драйтоне [Paston letters 2004: 272].

Еще одним свидетельством на редкость крепкой жизненной хватки Уорчестера является то, что ему удалось навязать Пастонам свой ритм переговоров. В 1462 г., когда споры вокруг имущества покойного сэра Фастольфа приняли особенно ожесточенный характер, Уорчестер предпочел на время полностью пресечь контакты с его наследниками. Маргарет Пастон жаловалась мужу, что вот уже несколько месяцев не может переговорить с Уильямом Уорчестером, так как когда бы и кого бы она к нему ни посылала, жена Уорчестера всегда отвечает, что мужа нет дома [The Paston letters 1956 (1): 236].

В итоге победа осталась за Уорчестером. Показания секретаря и душеприказчика сэра Фастольфа, а также находившиеся в его руках документы покойного были чрезвычайно важны. Пастоны предпочли уступить его притязаниям и отдать Уорчестеру те маноры, которые он сам пожелал получить [Gairdner 1904: 243–258]. Важно подчеркнуть, что после получения «своей» доли наследства Уорчестер остался с Пастонами в хороших отношениях и даже вновь начал выполнять их поручения. По-видимому, его твердое намерение получить часть земель покойного господина было воспринято сообществом джентри как вполне «достойная» стратегия поведения.

Примерно то же самое можно сказать о денежных тратах Уильяма Уорчестера. В обширном собрании документов Пастонов нет ни одного, где о секретаре Джона Фастольфа отзывались бы как о человеке, транжирившем деньги на одежду, драгоценности, празднества или на что-либо иное, кроме книг и путешествий. В данном случае мы вполне можем предположить, что если другие «неразумные» траты не упоминаются, то их, скорее всего, и не было. Иными словами, там, где речь не шла об увлечении «древностями», Уорчестер, по всей видимости, придерживался столь же строгой экономии, как и любой другой представитель его социальной группы.

На службе у Джона Фастольфа Уорчестер, скорее всего, заботился не только об интересах своего господина, но и о собственном кармане. Во всяком случае, после смерти патрона Уорчестер четко заявил, что более не намерен поступать к кому-то на службу [The Paston letters 1956 (1): 139]. Напомним, что прожить на доходы от двух своих маноров Уильям Уорчестер не мог; тем не менее в переписке Пастонов нет ни слова о том, что Уорчестер испытывал серьезные денежные затруднения. По-видимому, у секретаря сэра Фастольфа были какие-то «неучтенные» средства, позволившие ему достойно существовать еще как минимум несколько лет (до момента получения «своей» части наследства Джона Фастольфа).

В пользу того же предположения свидетельствует и полное возмущения письмо Уорчестера, в котором он подчеркивал, что покойный Джон Фастольф никогда не требовал у него немедленного отчета о потраченных в Лондоне деньгах, а Пастоны не просто потребовали, но и усомнились в его честности [Ibid.: 144]. Стоит отметить, что присвоение части доходов управляющими и прочими служащими в XV столетии считалось вполне обычным делом, и если слуга подворовывал умеренно, никому и в голову не приходило считать его по-настоящему нечистым на руку [Bennett 1983: 123–147]. Сделать однозначный вывод по имеющимся в распоряжении

исследователей документам вряд ли возможно, но автору данной статьи представляется, что сомнения Пастонов были небезосновательны, ведь во всех прочих отношениях Уильям Уорчестер проявлял редкую практичность. Вполне вероятно, сама попытка затребовать от Уорчестера точный отчет была вызвана тем, что сэр Фастольф и его наследники имели принципиально разное представление об «умеренном» хищении: то, что казалось пустяком «доброму лорду» Фастольфу, Пастоны сочли выходящим за рамки приличия.

Тот факт, что Уильям Уорчестер на самом деле был довольно типичным джентри и вел себя в соответствии с общепринятыми нормами, т. е. «достойно», подтверждается неизменным уважением его корреспондентов. Показательным примером может служить реакция собеседника Уорчестера на уже процитированную нами шутку (на вопрос Генри Виндзора о том, не ввергнет ли он себя в долги покупками книг, секретарь Джона Фастольфа ответил, что будет рад хорошей книге так же, как его господин — приобретению доброго манора). Реакция собеседника Уорчестера весьма показательна: «Из этих слов я заключил, что он [Уильям Уорчестер] не расположен обсуждать эту тему» [Paston letters 2004: 174–175]. Иными словами, уход Уорчестера от ответа вызвал прекращение расспросов; по-видимому, эта тема вообще больше не поднималась (во всяком случае, в документах из архива Пастонов упоминаний об этом нет).

Не лишним будет отметить, что, хотя Уорчестер не приветствовал лесть в свой адрес, его собственные послания содержат все общепринятые формы обращения и словесные клише.

Наконец, понимание дружбы в письмах Уорчестера при ближайшем рассмотрении оказывается столь же утилитарным, как у его корреспондентов. В том самом письме, где Уорчестер заявлял об исключительной теплоте и сердечности, с которой он относился к Джону Пастону I, он весьма «кстати» цитирует поговорку, которую ошибочно приписывает Аристотелю и Цицерону, — «Друг познается в беде» (A friend in need is a friend indeed). Развивая эту мысль, Уорчестер просит своего корреспондента[1] пересказать, что Пастоны говорят о нем в его отсутствие, ведь в аналогичных обстоятельствах Уорчестер уже оказал «другу» аналогичную услугу. Ну а если «друг» сочтет это требование чрезмерным, то пусть хотя бы перескажет это послание Джону Пастону [The Paston Letters 1956 (1): 144]. По-видимому, имелся в виду в первую очередь пересказ перечня заслуг Уильяма Уорчестера и тех пассажей, где живописалось его трепетное отношение к главе рода Пастонов. Таким образом, возвышенные речи и «античные» цитаты (к которым никто, кроме Уорчестера, не прибегал) были всего лишь красивым фасадом, за которым скрывался все тот же характерный для джентри принцип: друг — только тот, кто готов оказать вам услугу.

Итак, во всем, что не касалось любви к «древностям», «бессребреник» Уорчестер оказался вполне типичным джентри. Он был готов отстаивать свои владения и права любыми, в том числе не вполне законными методами, не тратил деньги зря, со спокойной совестью обогащался за счет господина, следо-

[1] Установить, к кому обращено это послание, исследователям не удалось. Письмо традиционно обозначают «От Уильяма Уорчестера к Анониму».

вал общепринятым правилам поведения и понимал «дружбу» исключительно как взаимовыгодную сделку.

В заключение стоит сказать несколько слов о том, насколько непрактичной на самом деле была тяга Уорчестера к чтению латинских и французских текстов, изучению истории и т. п. Подобные увлечения в XV столетии вовсе не были чем-то исключительным. Однако важно подчеркнуть, что распространены они были в другой социальной среде — при дворе и, шире, среди аристократии. В эпоху, которую сейчас принято называть английским Предвозрождением, каждый уважающий себя вельможа основывал колледжи, покровительствовал ученым, собирал книги (читать их, кстати говоря, было необязательно, учитывался сам факт наличия в личной библиотеке нескольких пухлых томов). Наконец, любой стремящийся к общественному одобрению аристократ должен был демонстрировать интерес к сочинениям античных мыслителей, в идеале стоило заказать их перевод на английский язык [Wakelin 2007: 15–46]. Таким образом, увлечения Уильяма Уорчестера были вполне нормальны для среды, в которой он провел значительную часть своей жизни. Безусловно, сэр Фастольф ценил в своем секретаре прежде всего деловые качества. Тем не менее образованность и изящные увлечения Уорчестера были важным бонусом, так как без дополнительных трат улучшали имидж магната.

Для самого Уорчестера интерес к античности, французской поэзии и прочим, казалось бы, абсолютно непрактичным вещам, тоже был небесполезен — он подчеркивал его привилегированное положение (ведь для этих увлечений требовались и свободное время, и лояльность господина), а также близость к аристократическим кругам. После смерти сэра Фастольфа ситуация, разумеется, изменилась, но именно в этот момент Уорчестер продемонстрировал в высшей степени важные для каждого уважающего себя джентри качества — решительность, изворотливость и несгибаемое стремление отстаивать свои материальные интересы.

* * *

Подведем итоги. Тот факт, что джентри крайне редко интересовались античным наследием, был отправной точкой нашего исследования. Но как они относились к тем немногочисленным представителям собственной социальной группы, которые имели настолько нетипичные увлечения? Безусловно, прямого ответа на этот вопрос в переписке Пастонов не содержится. Тем не менее в нашем распоряжении оказалась внушительная совокупность косвенных данных.

Прежде всего мы выяснили, что «друзья» и соседи Уорчестера никогда не отзывались о его увлечениях неодобрительно. То есть их отношение к чтению античных текстов, французских стихов и т. п. было как минимум нейтральным.

Осуждение, точнее, беспокойство, джентри высказали только однажды — когда им показалось, что покупка книг и изучение языков могут подорвать хрупкое благосостояние Уорчестера. Напомним, что секретарь Фастольфа не пожелал обсуждать эту тему, и она была благополучно закрыта. Иными словами, «друзья» Уорчестера признали, что раз сам он спокоен, затратное хобби — не повод для злоречия. Это еще раз подводит нас к выводу — джентри не считали такие расходы недостойными. Таким образом, интерес к антич-

ному наследию и изящным искусствам для джентри был вполне терпим, но только если не наносил заметного ущерба их финансовому благополучию.

Далее, мы установили, что Уильям Уорчестер не только подчеркивал, но и изрядно преувеличивал свою образованность и рафинированность. Напомним, мистер Уорчестер был весьма практичным джентльменом, к тому же, с точки зрения джентри, он всегда вел себя достойно; вероятно, упомянутая саморепрезентация должна была возвышать его в глазах окружающих. Возможно, джентри считали интерес к истории и поэзии почетным? Не всегда. Анализ данных архива Пастонов показывает: все письма, в которых Уильям Уорчестер рискованно шутил и бравировал собственной необычностью, относятся ко времени его службы у сэра Фастольфа. По-видимому, созданный Уорчестером образ интеллигента и библиофила был уместен лишь тогда, когда он пользовался благосклонностью «доброго лорда», ценившего и спонсировавшего столь изысканные занятия. Итак, пример Уильяма Уорчестера показывает: для джентри чтение античных авторов и французских книг могло стать вполне «достойным» увлечением, возвышавшим своего обладателя в глазах окружающих, однако единой для всех, безусловно одобряемой меры заинтересованности не существовало. Границы дозволенного менялись в зависимости от финансовой состоятельности «антиковеда» и его социального статуса. Любимец магната только выигрывал, если его считали утонченным интеллигентом, ценящим книги превыше земных благ; лишенный такой поддержки дворянин должен был демонстрировать в первую очередь деловые качества.

Литература

Браун 2016 — *Браун Е. Д.* Войны Роз. История. Мифология. Историография. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Bennett 1932 — *Bennett M. S.* The Pastons and their England. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1932.

Bennett 1983 — *Bennett M. S.* Community, class and careerism: Cheshire and Lancashire society in the age of Sir Gawaine and the Green Knight. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.

Gairdner 1904 — *Gairdner J.* Introduction // The Paston letters, A. D. 1422–1509: New complete library edition / Ed. by J. Gairdner. Vol. 1. London: Chatto & Windus, 1904. P. 25–329.

Gransden 1996 — *Gransden A.* Historical writing in England. Vol. 2: C. 1307 to the early sixteenth century. London: Routledge, 1996.

Harvey 1969 — William Worcestre: Itineraries / Ed. by J. H. Harvey. Oxford: Clarendon Press, 1969.

McFarlane 1957 — *McFarlane K. B.* William Worcestre, a preliminary survey // Studies presented to Sir Hilary Jenkinson / Ed. by J. C. Davies. London: Arnold, 1957. P. 196–221.

Neale 2000 — William Worcestre: The topography of medieval Bristol / Ed. by F. Neale. Bristol: Bristol Record Society, 2000 (Bristol Record Society's publications; Vol. 51).

Paston letters 2004 — Paston letters and papers of the fifteenth century / Ed. by N. Davis, C. Richmond. Part 2. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.

Richmond 2002 — *Richmond C.* The Paston family in the fifteenth century. Vol. 2: Fastolf's will. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.

Rose 2012 — *Rose J.* Medieval estate planning: The wills and testamentary trials of Sir John Fastolf // Laws, lawyers and texts: Studies in medieval legal history in honour of Paul Brand / Ed. by S. Jenks, J. Rose, Ch. Whittick. Leiden: Brill, 2012. P. 299–326.

Rundle 2015 — *Rundle D.* The Itinerary of the Itineraries of William Worcestre // Bonæ litteræ: Occasional writing from David Rundle, Renaissance scholar. 2015. October 18. URL: https://bonaelitterae.wordpress.com/2015/10/18/the-itinerary-of-the-itineraries-of-william-worcestre.

The Paston letters 1956 — The Paston letters / Ed. by J. Warrington. 2 vols. London; New York: Dent & Sons, 1956.

Wakelin 2007 — *Wakelin D.* Humanism, reading, and English literature, 1430–1530. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2007.

Gentry and the classical heritage. The case of William Worcester

Braun, Elena D.
PhD (Candidate of Science in History)
Associate Professor, Department of World History,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-64-56
Associate Professor, Department of General History,
School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: braun-helen@yandex.ru

Abstract. We know that the gentry appreciated first of all practical knowledge and education; they had no particular interest in ancient history and culture. In this article, the author tries to analyze what fifteenth century gentry thought about those, – who belonged to their social group, but who dared to read Greek and Roman philosophers, to buy books and to do other impractical things. The main sources are the Paston letters. The 'main character' is William Worcester — a member of the gentry, a famous antiquary, a bibliophile, and author of *Itinerarium*, *Annales Rerum Anglicarum* and other works.

The results of the analysis are as follows. William of Worcester's example shows that for fifteenth century gentry reading ancient authors and French books could be quite a "worshipful" hobby, however, an exact measure of interest did not exist. The boundaries of the permitted varied depending on the financial viability of the "scholar" and on his social rank. The confidant of a magnate could represent himself as a refined intellectual who treasured books above all earthly blessings; a person deprived of such support had to demonstrate pragmatism.

Keywords: William Worcester, Paston family, gentry, age of the Wars of the Roses

References

Bennett, M. S. (1932). *The Pastons and their England.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Bennett, M. S. (1983). *Community, class and careerism: Cheshire and Lancashire society in the age of Sir Gawaine and the Green Knight*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Braun, E. D. (2016). *Voiny Roz. Istoriia. Mifologiia. Istoriografiia* [The Wars of the Roses. History. Mythology. Historiography]. St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).

Davis, N., Richmond, C. (Eds.) (2004). *Paston letters and papers of the fifteenth Century* (Part 2). Oxford: Oxford Univ. Press.

Gairdner, J. (1904). Introduction. In J. Gairdner (Ed.). *The Paston letters, A. D. 1422–1509: New complete library edition* (Vol. 1), 25–329. London: Chatto & Windus.

Gransden, A. (1996). *Historical writing in England* (Vol. 2: *C. 1307 to the early sixteenth century*). London: Routledge.

Harvey, J. H. (Ed.) (1969). *William Worcestre: Itineraries.* Oxford: Clarendon Press.

McFarlane, K. B. (1957). William Worcestre, a preliminary survey. In J. C. Davies (Ed.). *Studies presented to Sir Hilary Jenkinson*, 196–221. London: Arnold.

Neale, F. (Ed.) (2000). *William Worcestre: The topography of medieval Bristol*. Bristol: Bristol Record Society (Bristol Record Society's publications; Vol. 51).

Richmond, C. (2002). *The Paston family in the fifteenth century* (Vol. 2: *Fastolf's will*). Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Rose, J. (2012). Medieval estate planning: The wills and testamentary trials of Sir John Fastolf. In S. Jenks, J. Rose, Ch. Whittick (Eds.). *Laws, lawyers and texts: Studies in medieval legal history in honor of Paul Brand*, 299–326. Leiden: Brill.

Rundle, D. (2015, October 18). The Itinerary of the Itineraries of William Worcestre. In *Bonæ litteræ: Occasional writing from David Rundle, Renaissance scholar.* Retrieved from https://bonaelitterae.wordpress.com/2015/10/18/the-itinerary-of-the-itineraries-of-william-worcestre.

Wakelin, D. (2007). *Humanism, reading, and English literature, 1430–1530.* Oxford; New York: Oxford Univ. Press.

Warrington, J. (Ed.) (1956). *The Paston letters* (2 Vols.). London; New York: Dent & Sons.

To cite this article:

Braun, E. D. (2018). Dzhentri i antichnoe nasledie. Kazus Uil'iama Uorchestera [Gentry and the classical heritage. The case of William Worcester]. *Shagi / Steps, 4*(2), 23–37. (In Russian).

Received January 5, 2018